138721

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОСТОВА ОТ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ

КАББАЛКГОСИЗДАТ
НАЛЬЧИК — 1942

В87721

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОСТОВА ОТ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК — 1942

Памятная дата великой отечественной войны—освобождение Ростова от немецких оккупантов — глубоко волнует советских людей. Зверства немецких разбойников, учиненные в прекрасном южном городе, вызывают жажду отмщения. Героическая борьба частей Красной Армии и партизан родит в душе каждого советского человека чувство гордости и восхищения, крепит волю к борьбе.

Сборник составлен из статей и очерков, печатавшихся в „Правде" и „Известиях" (декабрь 1941 г., январь 1942 г.)

Составил *М. Киреев.*

Общество любителей
Историческая
библиотека
698579

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
МАРШАЛУ тов. ТИМОШЕНКО
КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ
тов. ЧЕРЕВИЧЕНКО

Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков.

Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремизовым, водрузившим над Ростовом наше славное советское знамя.

И. СТАЛИН

Москва, 29 ноября 1941 года.

ЕЩЕ УДАР ПО ВОЙСКАМ ВРАГА

Несколько дней назад неожиданным налетом немецких войск был занят Ростов-на-Дону.

28 ноября части Ростовского фронта наших войск под командованием генерала Ремизова, переправившись через Дон, ворвались на южную окраину Ростова и вели бой на улицах города с немецкими войсками.

Ночью с 28 на 29 ноября части Южного фронта советских войск под командованием генерала Харитонова, прорвав укрепления немецких войск и грозя им окружением, ворвались с северо-востока в Ростов и заняли его.

В боях за освобождение Ростова от немецко-фашистских захватчиков полностью разгромлена группа генерала Клейста в составе 14-й и 16-й танковых дивизий, 60-й мотодивизии и дивизии СС «Викинг».

Немецкие войска в беспорядке отступают в сторону Таганрога. Советские войска преследуют противника.

Противник оставил на поле боя свыше 5.000 убитыми. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются.

Советское Информбюро

РАЗГРОМ ГРУППЫ КЛЕЙСТА

Начало наступательных ударов по врагу, события, связанные с разгромом бронегруппы Клейста и взятием Ростова частями Красной Армии, практически подтвердили грозные для врага слова товарища Сталина о том, что «в огне отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии».

После своего прорыва на Мариуполь враг поставил перед собой задачу — выйти на Северный Кавказ, захватить Майкоп, прибрать к рукам крупный нефтяной район страны. План врага был задуман широко. Общая стратегическая задача прорыва на Кавказ воплотилась в замысел следующей военной операции: врезаться двумя клиньями в нашу оборону, прорвать ее и сомкнуть удары в районе Шахты—Каменск. (Видимо, мечта о больших «Каннах» до сих пор не дает покоя немецким генералам).

Главная роль во всей этой операции возла-

галась на бронегруппу генерала Клейста, которая шла вдоль моря на Ростов типичной немецкой «свиньей», прикрываясь с северо-востока дивизией СС «Викинг» и 16-й танковой дивизией. На правом фланге нашего фронта, в направлении на Ворошиловград, двигалась группа генерала Шведлера в составе пяти—шести дивизий. На остальных участках фронта в качестве сковывающей силы действовали 49-й горно-стрелковый корпус, итальянский экспедиционный корпус и отдельные немецкие части.

Размах задуманной операции требовал от противника определенного обеспечения ее живой силой и материальными средствами борьбы.

В состав бронегруппы Клейста входили 13-я, 14-я, 16-я танковые дивизии, дивизия СС «Викинг», дивизия СС «Адольф Гитлер», 60-я мотострелковая дивизия и 49-й горно-стрелковый корпус. Правая клешня фашистского краба, закованная в броню танковых дивизий, готова была перерезать одну важную артерию нашей страны.

Одно только не было принято противником в расчет: что войска нашего Южного фронта окрепли в непрерывных боях с врагом, приобрели опыт, получили из резервов серьезные подкрепления живой силой, техникой и вполне созрели, чтобы перейти от упорной, активной, изобилующей контратаками обороны к реши-

тельным наступательным действиям. Если на протяжении первых пяти месяцев войны войска нашего Южного фронта, героически защищая каждую пядь родной земли, могли рассчитывать лишь на изматывание сил врага, на постепенное истощение его резервов, то теперь наш Южный фронт стал фронтом наступательным. Реальные события полностью это подтвердили.

Группе Шведлера удалось одно время потеснить наши части и вклиниться в расположение нашей обороны. Но ее движение вперед было приостановлено контрударами наших войск. Мужественно и умело били врага бойцы частей Героя Советского Союза тов. Петраковского, тт. Шарыгина, Браславца. Враг получил удар и вынужден был втягивать назад свою левую клешню. В это время части нашего фронта перешли в решительное наступление на группу Клейста.

Под могучими ударами частей тов. Лопатина и тов. Харитонова стали трещать дивизия СС «Викинг» и 16-я танковая дивизия, прикрывавшая главные силы врага с северо-востока. В тесном взаимодействии с авиацией, танками и артиллерией наши стрелковые части наносили по врагу удар за ударом, стремительно продвигаясь вперед, освобождая на своем пути населенные пункты, оккупированные противником, уничтожая живую силу врага и его

технику, захватывая многочисленные трофеи.

В результате этих ударов (в которых особенно отличились части тт. Филиппова, Шепетова и Бурдейного), несмотря на отчаянное сопротивление и сильное прикрытие с воздуха, полки дивизии СС «Викинг»—«Вестланд», «Остланд», «Германия» и 16-я танковая дивизия были разгромлены и в значительной своей части уничтожены. Противник вынужден был отскочить на юго-западный берег реки Тузлов, перейти к обороне и всячески ее укреплять, чтобы сдерживать напор частей Красной Армии.

Интересно отметить, что немцы не поняли основного перелома в боевых действиях на Южном фронте, не поняли, что инициатива перешла в наши руки, по инерции считали наши удары обычными контратаками и заслуженно были осмеяны англичанами за свое нежелание признать эти удары как факт решительного контрнаступления советских войск.

Клейст своими главными силами делает отчаянный прыжок на Ростов и ценой жестоких жертв захватывает его ударом двух танковых дивизий, 60-й мотодивизии и бросив в дело даже лейб-гвардию Гитлера в лице дивизии СС «Адольф Гитлер». Но это уже не могло изменить логического хода событий, не могло вернуть врагу потерянную инициативу.

Командование наших войск решило за счет

сужения фронта наступления ударить на Ростов и обрубить фашистскую лапу, протянутую к Кавказу. Части тов. Лопатина получили задачу: нанести главный удар в направлении на западную окраину Ростова. Части тов. Харитонова должны были бить в направлении на Каменоломню, через Б. Салы, с одной стороны, и на северо-восточную окраину Ростова — через Раковку. Части тов. Ремизова получили задачу на удар из-за Дона на север.

На реке Тузлов части Красной Армии встретили упорное сопротивление врага, который имел заранее подготовленную полевую оборону, сумел ее развить и укрепить. Враг бросил большие силы авиации, чтобы расстроить наши части, сломить их наступательный порыв, сорвать продвижение вперед. Но недаром прошли для наших бойцов, командиров и политработников первые месяцы ожесточенных, кровопролитных боев. Операцией лично руководил маршал Советского Союза тов. С. К. Тимошенко.

Сопротивление врага было сломлено. Жестокие удары наносили врагу на своем направлении части тов. Лопатина. Энергично и напористо шли на врага части тов. Харитонова. Высокий наступательный порыв показали кавалеристы частей тт. Григоровича и Кириченко, также ворвавшиеся в Ростов.

28 ноября в Ростове уже шли ожесточен-

ные уличные бои. Боевой славой покрыли себя в эти дни бойцы, командиры и политработники Южного фронта. Сотни героев родились в этих боях, выявились новые имена талантливых командиров. Молодой командир кавалерийского полка капитан Шевченко, скрытно переправившись через водный рубеж, нанес лихой удар по тылам одной из частей группы Шведлера. Смелые ночные налеты на противника совершал полк, где командиром батальонный комиссар тов. Филиппов. Именно такие люди фронта били немецкого генерала Шведлера, били крепко, били умно, били хитро и бесстрашно. Но особенно стремительны были удары по врагу на левом крыле фронта. Все попытки врага сопротивляться, переходить в контратаки не только срывались, но и превращались в беспорядочный его отход, завершались неотвязным преследованием.

Здесь сказался перелом в соотношении сил, превращение нашего Южного фронта в наступательный фронт. Противник попытался, например, сопротивляться танкистам подразделения тов. Бурдейного. Но они вместе с артиллеристами капитана Леоненко нанесли врагу такой удар, после которого фашистские танки были выведены из строя, а немецкая пехота позорно бежала. Образцы умелого взаимодействия с танками, артиллерией и авиацией показали в наступательном бою стрелковые полки тт. За-

славского и Гаврилина. Отбив у врага несколько деревень и захватив 60 автомашин, 13 пушек, 11 пулеметов, винтовки, снаряды и патроны, они уничтожили более 70 фашистов.

Большую роль в осуществлении всей операции сыграла наша славная сталинская авиация. Летчики частей тт. Батыгина, Шевченко и других командиров в жестоких воздушных боях уничтожали самолеты врага, штурмовали его наземные войска, поджигая танки, автомашины, подавляя артиллерию, расстреливая пехоту.

Вот примеры, характеризующие жажду битвы с врагом, наступательный дух бойцов фронта. Летчик Ямбарцев, на самолете которого отказал в полете правый мотор, принял решение не возвращаться назад и, точно выйдя на цель, на одном моторе отбомбился по врагу и благополучно вернулся на свою базу. Пулеметчик Скрипник, будучи раненным, не ушел с поля боя, а яростно бросился на врага в атаку. Его порыв увлек за собой других бойцов. Смельчаки забросали врага гранатами. Под напором этой группы отважных советских людей, которых поднял в атаку раненый пулеметчик, вынужден был отойти батальон немцев. Таковы примеры, характеризующие силу наступательного порыва бойцов — этого могучего морального фактора на войне.

Особым напряжением и ожесточенностью

отличались бои на подступах к Ростову и на улицах самого города. Совершив смелый рейд через территорию, занятую врагом, кавалеристы тов. Кириченко энергично ворвались в Ростов. Наши удары с севера позволили частям тов. Ремизова обрушиться на противника с юга. Тонкий лед на реках не позволял переправлять танки и орудия. Итти приходилось через плавни, по голой открытой степи. Но пехота и кавалерия, преодолев тяжелые препятствия, стремительным броском ворвались на южные окраины города. Двое суток продолжалось сражение на улицах города. Днем 29 ноября войска фронта, сломив левым крылом упорное сопротивление противника, вместе с частями тов. Ремизова окончательно овладели Ростовом, нанеся значительное поражение противнику.

Бросая оружие, с большими потерями вражеские войска начали беспорядочный отход. Части Красной Армии организовали преследование. Потери врага огромны. Достаточно сказать, что в 14-й немецкой танковой дивизии осталось не более 30 танков, половина живой силы уничтожена. В 16-й танковой дивизии осталось до 25 танков. Дороги на запад забиты машинами. По показаниям пленных, в ротах частей 60-й мотодивизии уцелело не более чем по 25 — 30 солдат.

Отходя на запад, противник огрызается ча-

стными контратаками, бросая в них отдельные батальоны в сопровождении 10 — 12 танков. Но это уже удары защиты, разрозненные попытки сопротивления, корчи смертельно раненого зверя.

В результате решительного наступления частей нашего фронта, тесного взаимодействия всех родов войск врагу нанесен сокрушительный удар. Группа генерала Клейста разбита. Ее разрозненные, недобитые части преследуются нашими войсками.

Какие выводы можно сделать из этой операции? Первый и основной: теперь враг почувствовал не только силу и упорство нашей обороны, но и мощь наступательных ударов. Бои за Ростов и под Ростовом — это свидетельство того, что Южный фронт стал наступательным фронтом, что вслед за разгромом бронегруппы Клейста немецко-фашистские войска получат новые, все более сокрушительные удары, которые кончатся только одним: беспощадным и полным уничтожением фашистских захватчиков. Тому порукой храбрость наших бойцов, командиров и политработников, их умение организовать наступательный бой и довести его до конца. Судьба Ростова, как предверья Кавказа, решалась в эти дни не только на подступах к городу, а на всей линии фронта. Теснимый повсюду, рискуя оказаться прижатым к морю, враг вынужден был бежать.

В этом — сила, значение и глубокий военный смысл проведенной операции.

Как высшую награду приняли бойцы, командиры и политработники нашего фронта поздравление великого Сталина с победой над врагом, с освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Слово товарища Сталина зовет нас вперед в наступление, обязывает обрушиться на врага новыми могучими ударами — на полное уничтожение всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве оккупантов.

Генерал-полковник Я. ЧЕРЕВИЧЕНКО,
командующий войсками Южного фронта

Южный фронт, 2 декабря.

КАК ХОЗЯЙНИЧАЛИ НЕМЦЫ В РОСТОВЕ

РОСТОВ-на-ДОНУ, 6 декабря. **(Спец. корр. ТАСС).** Еще не собраны все сведения, еще не подсчитаны все жертвы семидневного пребывания немцев в Ростове. В милицию, в больницы, в морг ежечасно доставляют трупы замученных и растерзанных людей, повешенных снимают с деревьев, с телеграфных столбов, с косяков ворот, превращенных в виселицы. Расстрелянных находят на тротуарах, в аллеях парков, во дворах, где были фашистские комендатуры. Со всех концов города зверски убитых людей привозят в Институт судебной медицины на Пушкинской улице.

Вот труп шофера с разбитой прикладом челюстью и штыковыми ранами на шее, медицинской сестры с вывернутыми руками и огромной раной в груди, рабочего-ополченца с раздробленной грудью, седого железнодорожника с развороченным животом, красноармейца-узбека с выколотыми глазами.

У самого входа в морг лежит труп, с головы которого ножом срезали кожу. Этого человека сперва ранили в голову, затем оскаль-

тировали и, наконец, бросили на съедение собакам. Авторитетные медицинские эксперты — ростовские врачи Кечек и Зарубицкий осмотрели этот труп и составили протокол вскрытия, выдержку из которого мы приводим:

«1941 года 2 декабря ростовский гор. суд.-мед. экспертизой был произведен осмотр неизвестного мужчины, на вид лет 25, для определения причины его смерти, причем обнаружено: труп мужчины, одетый в черное суконное пальто железнодорожного образца, под которым ватная телогрейка синего цвета, выцветшая, под нею гимнастерка защитного цвета с петлицами, на которых имеются отпечатки бывших знаков отличия. Труп правильного телосложения, удовлетворительного питания. Голова правильной формы, все мягкие покровы головы отсутствуют, за исключением небольшой полосы на границе шеи, покрытой светло-русыми короткостриженными волосами. Кости крышки черепа обнажены полностью, в лицевой же части имеются небольшие остатки мышц. Кости лобные и теменные раздроблены на большое число различной величины осколков. Заключение: смерть неизвестного мужчины наступила от огнестрельного ранения головы. Принимая во внимание ровные края ран на затылке, можно считать, что мягкие ткани черепной крышки удалены с помощью острого орудия».

Неизвестный, прежде чем его доставили в морг, лежал на камнях у Ростсельмаша. На улицах Ростова много было таких убитых и истерзанных людей. К одному из расстрелянных подошла старушка. Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Немецкий часовой, стоявший неподалеку, выстрелил из автомата. Убитая напоал, старая женщина легла рядом с бойцом. Немцам было все равно, кого убивать.

Особенно потрясла жителей Ростова страшная драма, разыгравшаяся в саду имени Фрунзе. В сад вошел мальчик, на вид ему было лет 12—13. В руках у него было два голубя — белый и сизый. Он привык их запускать в небо каждый день и следить за их полетом. Но как только привычным, легким движением рук он подбросил голубей кверху, пуля автоматчика сразила его на месте.

Чем более шатким становилось положение немцев на фронте под Ростовом, тем злее свирепетвовал фашистский террор в городе. Они расправлялись уже не с отдельными людьми,— они уничтожали целые семьи, целые квартиры, дома и кварталы. Особенно бесчинствовали немцы в пролетарских районах города. На 36-й линии они убили 61 человека. У дома Управления железной дороги немецкие автоматчики расстреляли 48 человек среди бела дня, не считая нужным скрывать свои злодейства. На тротуаре центральной улицы Ростова гит-

леровские убийцы расстреляли 60 человек. На армянском кладбище убито 200 человек. Такие же случаи массового убийства ни в чем неповинных граждан происходили и в других кварталах города.

Среди убитых — люди разных возрастов, разных профессий, школьники, пенсионеры, ученые, домашние хозяйки, слесари, парикмахеры, чертежники, дворники, педагоги, почтальоны, пожарные и другие.

При вступлении в Ростов немцы захватили несколько групп пленных и расстреляли всех до единого. В городской больнице неотложной помощи находится на излечении красноармеец Василий Пантелеевич Белоусов, чудом спасшийся от смерти.

— Когда мы попали в плен, — рассказывает он, — нас было семь человек — два грузина и пятеро русских. Нас повели в немецкий штаб. С сержанта Обухова сняли допрос. Больше никого не допрашивали. Час мы стояли во дворе, затем немцы приказали нам перейти в другое место. Повели на площадь Баррикад и поставили к стенке около ограды. Там уже лежали прямо на мостовой трупы только что расстрелянных наших бойцов. У железной ограды я стоял вторым. Немцы ударили сначала первого, затем кого-то в середине, затем меня. Я потерял сознание и не слыхал, когда падал. Побили всех. Когда я пришел в себя, то при-

творился мертвым: лежал на груди соседа — моего товарища-грузина, тоже убитого не сразу. Он медленно умирал, и вскоре сердце его перестало биться. Через полчаса пришли немцы проверить, нет ли среди нас живых. Они медленно проехали на мотоцикле по нашим телам. Я сдержал крик боли, несмотря на то, что был тяжело ранен в плечо. Немцы подумали, что мы все мертвы.

Так лежали мы до ночи. Ночь на горе была светлой, лунной, я подождал, пока зашла луна, кое-как поднялся и пополз вдоль ограды к клубу. Пытался перелезть через решетку, чтобы спрятаться в саду, но оборвался и упал. Тогда я пополз вдоль стенки к клубу. Двери и окна были все закрыты. Я подумал, что уже погиб. С радостью увидел полуоткрытые ворота, добрался до щели бомбоубежища, дополз туда, вкатился и пробыл там до прихода Красной Армии. Я сильно страдал от раны, от холода и жажды и обморозил себе ноги...

Семь дней пробыли немцы в Ростове. Эти дни навсегда останутся в памяти большого полумиллионного города, в котором нет ни одной улицы, где бы не лилась человеческая кровь, и ни одного дома, которого не коснулось бы дыхание смерти. Смерть взывает к мести. Все граждане и патриоты нашей родины готовы отдать свою жизнь во имя этой справедливой и священной мести, за поруган-

ную честь, за сожженные очаги, за трупы матерей, за кровь детей, за неизвестных героев, изуродованных немецкими палачами.

У памятника Ленину, поврежденного фашистским снарядом, у памятника Марксу и в других местах города на митинги вчера собрались все граждане города Ростова. Они дали клятву бороться с кровавым гитлеризмом до конца, до полного и окончательного его уничтожения.

А. МАЦКИН, В. СОБОЛЕВ.

НА УЛИЦАХ РОСТОВА

Пусть еще дымятся развалины пожарищ и глядят пустые окна разрушенных зданий, разграбленных магазинов и складов, пусть еще холодно в квартирах, но город живет. На улицах многолюдно. Вновь слышен смех, звонкие голоса катающихся на лыжах ребятишек. Широкие, просторные улицы очищаются от хлама и мусора.

Около гостиницы «Ростов» был убит солдат дивизии «СС» Пауль Майер. В его кармане обнаружили неотправленное письмо жене в Бреслау. «Дорогая Грета, — писал этот вояка, — в следующей посылке я пришлю тебе прославленное донское шампанское, чтобы ты могла выпить его за мое здоровье. А потом, как только закончится эта адская русская кампания, мы построим себе чудесную виллу на берегу Дона и будем щебетать под южным солнцем, как пташки. Подожди немного, мы здесь наведем новый порядок».

Не придется Грете пить донского шампанского, не вернуться Майеру домой, не будет

он больше устанавливать «новый порядок». Пуля казака-кавалериста оборвала его жизнь. Эти гитлеровские «пташки» не успели в Ростове развернуться во-всю — их выгнали. Но семь дней пребывания фашистов в городе не изгладятся из памяти ростовчан.

Никогда не забыть дикую расправу над мирными жителями, над детьми у Дома водников.

— Выходи! — крикнул, картавя, немецкий офицер, размахивая автоматом.

Никто не тронулся из квартир. Тогда немецкие «пташки» подожгли Дом водников. Выбегавших из подъезда ждала смерть, их расстреливали, кололи штыками, били прикладами. Снег стал красным. Из подъезда в летнем платьице, с распущенными волосами выбежала женщина. Она дико озиралась вокруг и кутала в теплую шаль ребенка. Женщина не знала, куда броситься, чтобы спастись от расправы. — Хальт! — крикнул солдат и направил автомат. Его остановил офицер. Он подошел к перепуганной женщине, приподнял шаль, поглядел на ребенка, осторожно взял малютку на руки. В это время с винтовкой наперевес угодливо подбежал солдат. Офицер засмеялся и с силой швырнул ребенка на штык винтовки. Мать рухнула на землю, срезанная очередью из автомата.

У витрин газеты «На защиту Ростова» толпы. Газета читается вслух. Кто-то недоволь

но произносит: — Мало о зверствах пишут, очень мало. Страшней было...

— Да разве слова найдешь, чтобы описать такое! — бросает реплику соседу старик в плохоньком летнем пальто. У старика-рабочего Николаева убили жену, замучили дочь, разграбили квартиру.

Город на глазах оживает. Очищаются трамвайные пути, исправляется троллейбусная линия, приводится в порядок электросеть. Часть Ростова уже освещена, восстановлен водопровод. Горожане проявляют героизм, чтобы быстрее залечить нанесенные врагом раны. Особенно была трудоемкой работа по откачке воды из затопленных насосных станций и колодцев. Рабочие лезли в ледяную воду и делали на ощупь перемычки. Товарищи Замарев, Лященко, Татаринов, Глушков и другие 29 часов работали в колодцах по пояс в воде.

Открылась почта, на квартиры доставляются залежавшиеся письма и телеграммы. Начали работать столовые, восстанавливается телефонная связь. На дверях уцелевших магазинов красуются объявления: «Магазин торгует с 8 часов утра до 4 часов вечера». Эти неприхотливые клочки бумаги радуют сердца ростовчан. Уже тянутся к городу из донских колхозов обозы с продовольствием. Колхозники Сальского района по инициативе депутата

Верховного Совета РСФСР тов. Шестерко послали в Ростов хлеб, масло, мясо.

Жители помогают органам милиции выявливать провокаторов и предателей. Их судят в открытых судебных заседаниях, и приговоры о смерти предателям встречаются аплодисментами.

Нет, никогда гитлеровским «пташкам», в роде Пауля Майера, не построить вилл на берегах советского Дона. Они пытались захватить Ростов, пытались сделать казаков Дона рабами, но эта попытка окончилась так же, как и в 1918 году. К старым могилам, где похоронены кайзеровские солдаты, прибавились сотни и тысячи могил гитлеровских бандитов. Такая судьба ожидает всех оккупантов.

П. НИКИТИН,
спец. корреспондент „Известий"

Ростов-на-Дону, 8 декабря.

ЛЮДИ ПРИШЛИ ИЗ ТАГАНРОГА

В последние дни на Юге значительно потеплело. Тает снег, размокла земля, идут дожди. Небо затянуто тучами. Ночи темные, ни одна звездочка не сверкает в небе. Человека не увидишь даже в пяти шагах. Пользуясь этими темными, туманными ночами, жители Таганрога, хорошо знающие местность, бегут из города, пробираются через линию фронта, возвращаются к свободной жизни.

Несколько дней назад из Таганрога пришли Ольга Игнатьевна Белобородова со своей дочерью Еленой. Приводим рассказ ее целиком:

«Свой приход в Таганрог немецкие бандиты ознаменовали массовыми расстрелами мирных граждан. Они оцепили несколько людных кварталов, выгнали жителей на улицу и начали выпытывать у них фамилии коммунистов и советских активистов. Молчание было ответом. Тогда немцы без разбора вывели из рядов десятки людей и здесь же расстреляли их.

Однажды ночью кто-то перерезал центральный штабной кабель. Утром фашисты оцепили колхоз, на территории которого было произве-

дено повреждение линии, вывели 50 человек, среди которых были старики, женщины и дети, и зверски убили их.

Несмотря на эти неслыханные преступления, на кровавый террор, дух советских людей не сломлен.

Когда немцы заняли Таганрог, бухгалтер коммунхоза К. явился к фашистским властям и предложил им указать для расположения комендатуры одно из лучших зданий города. Предложение К. не вызвало подозрения у немцев. Наоборот, они остались им очень довольны. Этого только К. и нужно было. Указанный им дом был полностью подготовлен для взрыва. И вот, когда в здание перешли фашисты, оно ночью взлетело в воздух. Под развалинами были похоронены 50 германских офицеров.

На квартиру 64-летнего врача-общественника тов. Воронина пришли фашисты и стали требовать, чтобы он дал письменное согласие работать на немецкую армию. Воронин всеми силами уклонялся от этого. Немцы настаивали и угрожали. Видя, что ему не отделаться от бандитов, тов. Воронин предложил немцам обождать в соседней комнате, сам зашел в свой рабочий кабинет и впрыснул себе и своей жене под кожу большую дозу морфия.

Прождав долгое время в соседней комнате, немцы ворвались в кабинет и увидели на полу

мертвых Ворошила и его жену. На столе лежала записка: «Лучше смерть, чем рабская жизнь под игом фашистского зверья».

Немцы назначили правителя города—бургомистра и так называемое городское самоуправление. Кучка негодяев работает под командой немцев, помогая им творить грязные дела.

Однажды бургомистр, окруженный своими приспешниками, шел по главной улице. Неизвестным героем из подвала одного дома была брошена бомба сильного разрывного действия. Бургомистр и его свита были разорваны в клочья.

Так советские люди расплачиваются за насилия, чинимые фашистами.

За последние дни немцы стали составлять по каждому кварталу списки советских граждан, подлежащих расправе. В эти списки попала и я, так как немцы узнали, что мои сыновья находятся в партизанском отряде. Мне угрожала смерть, но добрые люди предупредили меня и помогли вырваться из когтей фашистов».

Э. ВИЛЕНСКИЙ,
спец. корреспондент „Известий"

Южный фронт, 20 декабря.

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

Когда над городом появляется запоздалая луна и в небе несмело проступают контуры безжизненных труб металлургического завода, затихает берег. Догорели и растворились в предутренних сумерках последние ракеты.

Пустынны и мертвы улицы Таганрога. Никто не спешит на работу. Наглухо заперты заводские ворота, и ветер швыряет пригоршни снежной пыли в разбитые окна цехов. Снегом и грязью забита трамвайная колея: трамваи не ходят. Запустение и грязь говорят о том, что в городе поселились временные жильцы. По обе стороны улицы — скелеты обглоданных домов. Немцы раскрыли крыши и из кровельного железа поделали печки для блиндажей. Никто не заботится о завозе топлива, и в городе не сыскать уцелевшего заборика. Помещения для солдат отепляются школьными партами.

Можно пройти до конца улицы и не встретить прохожего. В Таганроге не осталось мужчин. Сначала арестовали всех активистов и увезли в грузовиках за город. День спустя родные и близкие видели солдат немецкой

комендатуры, которые примеряли шапки, снятые с убитых. Потом немецкие патрули устроили десятки облав на улицах и площадях, вламывались по ночам в дома жителей и забирали на фортификационные работы всех, кто только в состоянии держаться на ногах.

Рослые конвоиры с нарукавными значками, изображавшими череп на скрещенных костях, гнали мирных советских граждан на передовые позиции к Самбекским высотам рыть окопы и строить блиндажи. Многих увезли в концентрационные лагери в глубь оккупированной территории.

К началу января на таганрогских улицах можно было встретить лишь дряхлых стариков и инвалидов с явно выраженными признаками увечья. Потом дошла очередь и до инвалидов. Бежавший из фашистского плена рабочий завода им. Андреева Николай К. рассказывает, как несколько дней назад в грузовик, остановившийся на углу улицы Свердлова и Смирновского переулка, без разбора сажали всех схваченных на улице.

Разнузданные грабежи, организованные немецкими солдатами, довели население до нищеты. Таганрожцы голодают. Утром, когда отряды ночных патрулей протопают в казармы, из домов осторожно выходят женщины с ведрами. Глухими переулками идут они по воду к берегам залива, потому что водопро-

водом разрешено пользоваться только немцам. Кроме горькой морской воды, ничего нельзя достать. И хотя городская газета (в Таганроге немцы издают тощий бульварный листок под пышным названием «Новое слово») широко возвестила о начале эры частной торговли, никто ничем не торгует. Негде достать ни хлеба, ни мяса. В поисках горстки зерна жители города разбредаются по окрестным селам, но население деревень либо угнано немцами в тыл, либо начисто ограблено многократными реквизициями.

Каждое утро к интендантскому складу на Гоголевской улице подвозят свежевыпеченный хлеб для господ офицеров. Таганрожцы обходят это место стороной. Им памятны дни, когда изголодавшиеся люди пытались подойти в порту к сгоревшему складу с пшеницей, чтобы взять хотя бы пригоршню черного, пропахшего дымом зерна. Немецкие часовые открыли тогда стрельбу из винтовок по безоружной толпе, убили подростка-школьника, тяжело ранили нескольких женщин. Нет, лучше держаться подальше от мест, где стоят немецкие патрули.

Угроза голодной смерти нависла над каждым домом. Все запасы у населения иссякли. «Предлагается сдать», «За невыполнение расстрел», — вот наиболее часто употребляемые слова в приказах немецких властей. Таган-

рожцы потеряли счет этим приказам. Сначала предложили сдать весь домашний скот и птицу, потом все продовольствие, потом всю теплую одежду, одеяла, постельное и носильное белье, посуду, кухонную утварь и даже детские вещи.

6 января по городу был расклеен приказ об обязательной регистрации кошек и собак. Оказывается, и этих домашних животных можно с пользой употребить на нужды германской армии. В этот день усиленные отряды патрулей начали массовую облаву на собак и кошек. Дворовые псы и кошки немедленно пристреливались, тут же потрошились, и шкурки их отправлялись в указанное место.

* * *

Неспокойно в Таганроге. Ненавистью единодушной и жгучей платят захватчикам жители города за кровь и слезы советских людей. С грязных страниц «Нового слова» несутся скорбные вопли о черной неблагодарности населения, о продолжающихся покушениях из-за угла на немецких солдат и офицеров. Напрасно газетка угрожающе шипит что-то о гладкой руке, которая может сжаться в кулак и нанести удар по непокорным. Таганрожцы — вооруженные и безоружные — ведут борьбу. Ни публичные казни, ни ежедневные тайные расстрелы людей на восточ-

ной окраине парка культуры и отдыха не сломят их воли к борьбе.

Из уголовных преступников и бывших белогвардейцев немецкий комендант сформировал шайку головорезов и назвал ее городской милицией. Таганрожцы упорно называют ее полицией, вкладывая в это слово смысл, так хорошо понятный советскому человеку. Первое время военные власти города распределяли солдат на постой по квартирам граждан. После взрыва немецкой комендатуры фашисты увидели, как настроено население, и перевели солдат на казарменное положение.

Трижды восстанавливали немцы телефонный кабель, соединяющий Таганрог с Мариуполем, и трижды неизвестный смельчак разрушал связь. Кажется, шагу нельзя ступить вне настороженных глаз немецких патрулей. С наступлением сумерек часовые без предупреждения открывают огонь в сторону каждого шороха, по каждой промелькнувшей тени. Все жестче и жестче становятся ограничения для жителей города. Месяц назад хождение по улицам разрешалось до семи часов вечера. Теперь под страхом смерти запрещено появляться не только на улицах, но и во дворах собственных домов после полудня пятого дня. И все же вечером город переходит во власть его настоящих хозяев — таганрожцев.

С каждым днем все чувствительнее дают себя знать партизаны Приазовья. На-днях группа партизан совершила смелый налет на пригородное село Т., убила немецкого коменданта, сожгла гараж с находившимися в нем автомашинами и мотоциклами. Назавтра усиленные немецкие засады всю ночь поджидали партизан в этом районе. Тем временем бойцы партизанского отряда уже ползли вдоль железнодорожной насыпи на противоположной окраине города. Неслышно подкрались они к домику, где разместилась вражеская застава, сожгли загнанный в тупик и еще не разгруженный вагон с теплым обмундированием, взорвали две платформы с запасными частями для автомашин и скрылись так же внезапно, как и появились.

* * *

Фронт проходит под Таганрогом. С надеждой и радостным нетерпением прислушиваются таганрожцы к разрывам снарядов, выпущенных из советских орудий по переднему краю вражеской обороны.

А. КРИВИЦКИЙ,
спец. военный корреспондент „Правды"

Южный фронт, 14 января.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Из города они уходили позже всех — маленькая горстка партийных активистов, руководившая эвакуацией людей и материальных ценностей. В порт вернулся последний железнодорожный состав, обстрелянный немцами и не сумевший пробиться на восток. Паровоз разогнали и спустили под откос, а из вагонов построили баррикады, чтобы преградить вражеским танкам дорогу в порт. Все, кто имел оружие, залегли на берегу, прикрывая отход катеров и шаланд. Но вражеские автоматчики уже просочились в порт. С высокой, увенчанной маяком горы немцы открыли по выходу из залива артиллерийский и минометный огонь.

Секретарь областного комитета партии Григорий Ягупьев покинул мол, когда на нем уже никого не осталось. Маленький катер-охотник отвалил от стенки и устремился к выходу в море. От рвущихся снарядов то справа, то слева вздымались водяные столбы. Захлебываясь, строчил немецкий пулемет. Ягупьев

сменил обойму и расстрелял последние патроны по наступающему врагу. Почувствовал, как обожгло живот — пуля пробила мышцы и вышла через бок. И тотчас же новые ожоги: ранение в ногу, в другой бок, в голову.

В трехстах метрах от берега снаряд накрыл катер. Всех стоявших на палубе воздушной волной сбросило в море. Суденышко загорелось и погрузилось в воду. Когда рассеялся дым, среди обломков разбитой в щепи рубки плавал только Ягупьев да краснофлотец-моторист. Остальные утонули.

Плыть? Но куда? До ближайшего берега, где стоят наши, сорок километров. Горькая ледяная вода разъедает раны. С трудом действуя одной рукой, сбросил с себя разбухшую шинель и китель. Снять ботинки не мог, от потери крови кружилась голова. А вокруг с клекотом впиваются в воду светляки трассирующих пуль. Гянет ко дну, вода заливает рот, уши... Но руки гребут и гребут.

Так проплыли несколько километров. Стемнело. Стрельба прекратилась. Тяжело раненый моряк хрипло кричит:

— Браток, к берегу...

Ну, что ж, можно и к берегу. Добраться до рыбаков, переодеться, сделать попытку пробиться к своим. Одно желание — помочь обессилевшему товарищу. А онемевшие руки уже отказываются грести, ноги сводят судо-

роги. Рядом слышен всплеск воды и задыхающийся голос моряка. Но с берега снова открывают ружейный огонь, и всплески умолкают. Утонул товарищ.

В полубеспамятстве ухватился Ягупьев за причальное кольцо. Собрал остатки сил, выполз на берег и потерял сознание. Очнулся он от пинка сапога в израненный бок. Немцы. Ощутил на груди холодное прикосновение острия штыка.

— Рус?

— Русский.

— Большевик?

Выбить бы из рук винтовку и вцепиться в горло врагу. Но нет сил повернуться. Во рту пересохло и нет слюны, чтобы плюнуть в тупую фашистскую морду. Гнев подступает к горлу, подымает голос до крика:

— Да, большевик! Коммунист!

Его заперли в крепости маяка. На рассвете следующего дня он бежал. Через час постучался в хату на краю рыбацкого поселка. Его приютили. Дочь рыбака обмыла и перевязала раны. Отдохнул и тронулся в путь. За городом немцы закапывали трупы своих солдат. Второй день занимались этим, а поле все еще усеяно останками эсэсовцев. Дорогой ценой заплатили фашисты за город.

Две дороги вели к своим. Одна — в обход по немецким тылам с малочисленными редки-

ми гарнизонами. Другая — берегом моря, через толщу немецких войск и линию фронта. Ягупьев решил:

— Пойду напрямик. Сосчитаю, запомню все, что увижу. Доберусь живым — принесу ценные сведения о противнике.

Шел от села к селу. Подкрадывался как можно ближе к немецким батареям, подолгу лежал у обочин дорог, изучая передвижение войск. Ноги покрылись кровавыми пузырями. Гнойлись и ныли раны. Перед самой линией фронта свернул в сторону. С помощью рыбаков и партизан пересек дельту широкой степной реки и ступил на родную, не оскверненную врагом землю.

Месяц пролежал в госпитале. А когда по всему участку фронта началось контрнаступление Красной Армии, не вынес тишины больничных палат. В освобожденный от немцев город он вошел с передовыми частями армии.

* * *

Правее кургана — овраг. На полном ходу танки нырнули в балку и, преодолев крутой подъем, вышли к подножью кургана. В смотровые щели отчетливо видны немецкие блиндажи. Туда, к переднему краю вражеской обороны, и устремились танкисты майора Мартынова.

Немецкие батареи бьют прямой наводкой. Особенно сильный огонь сосредоточен по головной колонне. Осколки с визгом грызут металл, но крепкая броня защищает экипаж танка от их укусов. Башенный стрелок Коротких не остается в долгу и беспрерывно поливает огнем немецкие позиции.

Сильный удар потряс танк. Вражеский снаряд угодил в люк, заклинил башню, убил механика-водителя. Сидевшему возле радиостанции командиру раздробило колено. Уцелел Коротких. И машина, крепкая советская машина не вышла из строя. Танк продолжал двигаться вперед еще быстрее. Нога мертвого водителя застыла на педали акселъратора и включила полный газ. Танк несся по прямой, не маневрируя, представляя собой хорошую мишень для немецких наводчиков. Казалось, враг бросил на него все свои огневые средства. Еще несколько минут и танк подобьют. Долг бойца—сохранить машину, вывести танк из-под огня, спасти жизнь раненому командиру. Но как это сделать?

Башенный стрелок Коротких попробовал через внутренний ход проникнуть к рычагам управления. Тело механика-водителя преграждало путь. Остался один только выход — через верхний люк.

Не задумываясь, Коротких откинул крышку и вышел на броню. Под яростным огнем вра-

та он спустился на переднюю часть танка, лег на живот, просунул руки в развороченное снарядом отверстие и достал рычаги управления. Танк развернулся и, маневрируя, вышел из-под обстрела.

Это было сделано за несколько десятков метров от немецких окопов.

* * *

Уже у цели самолет резко качнуло, и рыжий сноп пламени взметнулся вверх. Очевидно, осколок зенитного снаряда пробил мотор. Летчик сержант Якушев выровнял машину и до крови закусил губу.

— Врешь, не уйдешь! Погибну, но выдам сполна все, что вам положено.

Он вывел горящий самолет к цели и перешел в отвесное пике. На голову врага одна за другой посыпались увесистые бомбы. Облегченная машина взмыла к небу. Воздушный поток, вызванный стремительным пикированием, сбил пламя. Но поврежденный мотор хандрил, самолет стал терять высоту. Вот уже близко земля. Видно, как сбегаются на поле немецкие солдаты. Подняв стрельбу, они, торжествуя, бегут за тенью подбитой машины, опережая друг друга, надеясь взять летчика живым.

Якушев приземлился на заброшенной, мало накатанной дороге. Мотор продолжал рабо-

тать. Оглянулся. Немцы спешили к самолету, стреляя на ходу. Озорно крикнул:

— А ну, вперегонки!..

Дал газ. Самолет побежал по заснеженной земле, подпрыгивая на кочках, вздымая вихри пыли. Дорога круто свернула к реке. Виден высокий скалистый берег. За небольшим пригорком — отвесный обрыв.

— Вывезет или нет? — лихорадочно думал Якушев. — Опрокинусь... Жаль машину, но лучше смерть, чем плен!

Свернул на пригорок. И тут случилось то, чего никак не ожидали немцы. Самолет резко, словно с трамплина, оторвался от земли и постепенно стал набирать высоту. Благополучно перелетев реку, Якушев приземлился на нашей территории.

А. КРИВИЦКИЙ,
спец. военный корреспондент „Правды“

Южный фронт.

КУБАНЦЫ

На крутом берегу Дона ходит часовой. От темных силуэтов станичных хат до бугроватой застывшей реки — вот его путь. Потрепанные солдатские ботинки уже протоптали тропинку в хрустящем снегу. Тихо. Лишь порывы ветра с того берега доносят легкий шелест камышей. Они стоят стеной, скрывают левобережье от человеческих глаз, монотонно шуршат мохнатыми верхушками и наводят жуть на часового. Он держит автомат наготове. Палец замерз на спусковом крючке, руки озябли, степной ветер зло рвет полы темно-зеленой шинели, забирается под наброшенное на плечи пестрое одеяло и леденит кровь.

Холодно и жутко Фрицу Гумпелю в этой суровой и непонятной России. У него страстное желание хоть на минутку присесть за штабелем железнодорожных шпал, чтобы укрыться от порывов проклятого ветра. Но Фриц Гумпель — опытный вояка, «железный крест» украшает его грудь. Он знает этих русских. Здесь каждый куст прячет засаду, надо быть зорким. Вечером обер-лейтенант Зупп преду-

преждал, чот русские скрываются в камышах. Гумпель замедляет шаг, осматривается и пристально, до рези в глазах, вглядывается в шуршащую стену серых камышей. Кажется, где-то скрипнул снег. Гумпель обеспокоен. Он рывком бросился на землю и вскинул автомат. Напрасная тревога. Ночь попрежнему светла. «Померещилось», — решает Гумпель и тяжело поднимается с промерзлой земли. «Хорошо бы в тепло, к женщине, — мечтает он.— Но казачки злы, как черти. Карл хотел побаловаться, так одна полоснула бритвой, бедняга на всю жизнь закаялся. Хорошо, если выживет». Фриц зло сплюнул в сторону. Где-то завыла собака. Часовому страшно, и он затягивает песенку. На берегу шуршат камыши, еще раз завыла собака.

На повороте часовой словно поскользнулся. С глухим стуком отлетел в сторону автомат. Тихий хрип. Чья-то фигура поднялась, наклонилась над Гумпелем, сорвала с него одеяло. Два других человека бесшумно скатили Фрица под обрыв и замигали в сторону плавней огнями карманных фонариков. И камыши ожили. Приникая лицом ко льду, неслышно ползли казаки. Командир еле уловимыми сигналами направлял движение бойцов.

Ползут казаки кубанских станиц: Тихорецкой, Пластуновской, Тимашевской, Надежной, Отрадной, Бескорбной, ползут, стиснув зубы,

ползут, полные ненависти к врагу. Лед темный, тонкий, он гнется под тяжестью человеческих тел, трещит. Вода просачивается в трещины. Коварный треск, всплеск — и в густой холодной воде скрывается голова бойца. Таков был казачий уговор: кто провалится на льду, тот принимает лютую смерть в глубинах Дона, но ни единым звуком не выдает товарищей. Умирали молча, лишь иногда рука тонущего выбросит на звенящий лед винтовку. Страшно принимать ледяную смерть, но еще страшнее привлечь внимание врага, провалить операцию.

Четыре дня часть, где командиром т. Куц, пролежала в плавнях, чтобы в удобный момент отрезать врагу пути отхода. Кругом камыш, под ногами лед, огня развести нельзя. Люди почти не двигались, переворачивались с бока на бок, чтобы не замерзнуть. Мучила жажда. Долбили штыком лед, опускали камышинку и сосали гнилую воду плавней.

Впереди ползет ингуш Магомед Ганиев. Он ранен и оставляет на льду темный след крови. Вот и берег. Ганиев поднялся во весь рост и повел людей в атаку. Казаки бурей налетели на немцев. Они выкуривали их из хат, беспощадно кололи, стреляли, рвали гранатами.

У фашистского штаба казаки залегли. В окне офицер. Он строчит из пулемета. Нужно быстро снять пулеметчика, но офицер неуяз-

вим — его заслоняет казачка с ребенком. Она рвется из крепких рук фашиста и кричит: — Стреляйте, хлопцы! — Казаки ослабили огонь, крик младенца остановил их. Офицер задерживал наступление. Уже к нему поодиночке подбегали фашисты, группируясь в ударный кулак. Дорога — только на пулемет. Пути обхода долги.

Казачка кричит:

— По мне стреляйте!

Бойцы не стреляли. Тогда женщина выпустила ребенка из рук. Он легко соскользнул в сугроб под окном. Сама она всем телом навалилась на пулемет, закрыв его своей грудью. Пулемет замолк, захлебнувшись кровью. Бойцы разнесли последний фашистский заслон.

Часть несколько суток шла вперед. Фашисты огрызались, бросались в контратаки, но не смогли сдержать казаков. У наводчика Тейца на противотанковом орудии сбили прицел, — он действовал прямой наводкой. На холме показались три немецких танка. Сосед закричал: «Танки!» «Ты — дурной, — отвечал Тейц, — это бывшие танки». Метким огнем он зажег вражеские машины. «Бачишь? — подмигнул наводчик соседу. — А ты орешь, как оглашенный. Были танки, теперь металлолом».

Кубанцы стойки в бою, сметливы в беде, порывисты в атаке. Таганрог близко. В предутренней дымке можно различить трубы его

мертвых ныне предприятий. С передовой линии хорошо видны очертания низеньких домиков рабочего поселка. Звезды блекнут на светлом небосклоне. Сейчас казаки снова пойдут в стремительную атаку.

П. НИКИТИН,
спец. корреспондент „Известий“

Южный фронт, 15 декабря.

РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ

— Спокойнее, граждане, тронемся, разберемся. Каждому место приготовлено.

По вагону бегал щуплый с седыми висками человек. Его тихий голос покорял разноголосый шум и успокаивал людей. Форменная фуражка сидела на проводнике боком, несладно, большие валенки шмыгали по полу.

— Товáрищ проводник, где мое место? Почему не поднимается полка? Успею ли я сбегать за водой? — на эти и десятки других вопросов старый проводник Кузьмич отвечал быстро, спокойно и убедительно. Он в привычной рабочей обстановке. Обязанности проводника не так уж сложны, но они требуют любовного отношения к делу. Поезд Ростов — Москва отправился точно по расписанию. Все быстрее и быстрее стучат колеса на стыках рельсов. Уже давно промелькнули руины разгромленного оккупантами вокзала, и с правой стороны железнодорожного полотна, на косогоре, показались низенькие домики Нового поселения. Поезд огибает город Ростов и в Нахичевани выходит на магистраль. Провод-

ник давно справился с делами и подсел в купе к пассажирам. Тихо журчал разговор.

— Старший сержант Зюкин и приказывает: «Занять, — говорит, — второй этаж. Прострел оттуда хорош». — Заняли. Послали посмотреть, что на третьем этаже делается. Видим телеграфный аппарат. Из соседней комнаты выходит офицер. Мы не растерялись и уложили его на месте...

Красноармеец осторожно отвел раненую руку в сторону и здоровой рукой достал папироску из кармана гимнастерки. Сосед быстро зажег спичку. Боец закурил, затянулся и продолжал:

— Первого офицера уложили, а следом выскочил второй с автоматом. Началась перестрелка. Услышали немцы внизу и давай на третий этаж пробиваться. Очутилась наша разведка промеж двух огней: сверху немцы, внизу немцы, а посередине мы. Держимся час, другой. Уже и день к вечеру. Видят, что автоматом нас не возьмешь, пушку притащили и прямой наводкой бьют по этажам. Мы тогда переселились на чердак. Отстреливались. Сержант Зюкин приказал держаться до последнего. Приказ понятен. Через день подошли наши. Мы ударили по немцам в тыл. Машины у них отбили, документы захватили. Тут-то меня и ранили...

В купе установилась тишина. Красноармеец

раскладывал шинель на полке. Молчание нарушил человек в потертом черном френче.

— Это — мужество!

Красноармеец взглянул на говорившего и махнул здоровой рукой.

— Обыкновенная боевая работа.

— Вот они все так! — звонко произнесла женщина, сидевшая рядом, и, поправив платок, продолжала:

— Ну, бойцам, известно, надо быть храбрыми. А кто с девочек спрашивает, что лезут они в самое пекло? Лет по двадцать нашим телефонисткам. Право слово, не больше им. Немцы вдруг захватили вокзал. Товарищи, конечно, звонят по аппарату, предупреждают старшую, Клаву Мирошниченко: «Уходите, девчата, на вокзале Ростова орудуют немцы». А они в ответ: «Рано уходить, у аппаратов побудем, своих предупредим». Сидят девчата и названивают. Снова им предлагают уйти, а они свое твердят: «Еще не всем сообщили». Так и просидели телефонистки семь часов у аппаратов. А на вокзале в это время шел бой, стрельба раздавалась, крики раненых. Жутко сидеть в аппаратной, а Клавдия Мирошниченко утешает подруг: «Еще, девчаточки, немного. Нашим важно знать обстановку». По крышам стучат пули, механик Цыганков стоит

у дверей. Он решил, в случае чего, задержать немцев, а девушкам дать уйти. Всех успели предупредить. Поздно ночью Клавдия Мирошниченко и механик Цыганков вывели телефонисток Савину, Глущенко, Белову, Шатилову в безопасное место. Вот вам и мужество, а это — народ, в шинели не одетый...

Рассказчица замолчала. Старый проводник внимательно ее слушал. Кузьмич встал, взялся за фонарь, затем поставил его вновь на место и, откашлявшись, тихо заметил:

— Правильно поступили телефонистки. Они на посту. А железнодорожник, что боец. Пост бросить нельзя. — Он снял очки в железной оправе, протер их и, надев на кончик носа, посмотрел поверх очков на собеседников. — Тут особенного ничего нет. А вот я вам расскажу случай. Немцы были на вокзале, шел бой на станции, а в тупичке санитарный поезд с ранеными. 15 человек не успели вынести. Гибель лютая ждет их. Лежат раненые и смотрят широко открытыми глазами перед собой. Каждый с жизнью прощается. Ну, куда тяжело раненому двинуться? Кто их спасет? Эшелон на станции, стрельба, взрывы гранат, персонала нет, а немцы бьют всех, кого встретят. «Никому мы ненужные», — думали бойцы, и ошиблись. Около заборчика, что отделял эшелон от городских улиц, глядку, собрались

женщины. Шепчутся, на вагон пальцем показывают. Впереди комсомолка Угненко. Такая чернявенькая, низкого роста, да ее все в Ленгородке знают. А с ней подружки Вера Никитина да Маруся Кабрунер. Пошептались и забор стали ломать. Пробили в нем дыру— и к вагону. Смотрю, на носилках тащат одного раненого, другого, третьего. Передают их в отверстие, а там женщины бойцов быстро по домам разносят. А вокруг бой, немцы шныряют, из автоматов вдоль пути строчат. Вдруг один заметил девушек с носилками. Присел, навел автомат, в девчат целится... Кто-то с тендера старого паровоза как ударит с трехлинейки по немцу. Девушки этого не видели и продолжали делать свое дело. А их работу какой-то человек охранял. Кажись, всех раненых вынесли, но Угненко не верит. Она сама лезет в вагон, смотрит, в углу еще один боец. Только подошла к нему, а с другого конца вагона — немец. Увидел раненого, поморщился. Угненко навстречу немцу. Взяла его за рукав и знаком показывает: можно, мол, взять раненого?

Немец улыбнулся и махнул рукой: берите, пожалуйста. И вышел.

Угненко положила красноармейца на носилки и кликнула подруг. Впереди взялась за носилки Вера Никитина, а Угненко сзади их

поддерживает. Стали осторожно спускаться по ступенькам вагона. Только Вера ступила на землю, как хлопнули три выстрела. Стреляет немец, заходивший в вагон. Стреляет и смеется, стреляет в упор. Три пули послал враг — одну раненому, одну Вере, одну — Угненко. Послал, повернулся и ушел. Но все три пули Вера своей грудью приняла. Зашаталась девушка, тихо села на землю...

— О-ох! — вздохнул кто-то тяжело. Проводник продолжал свой рассказ:

— Спасли раненых, а Вера умерла. Но и немец не ушел. Здесь голос старого проводника зазвенел металлом. С того же потухшего паровоза выстрел грянул, в череп немца ударила пуля...

Проводник как-то сгорбился, сник и долго смотрел в окно, посеребренное морозом декабрьской ночи.

— Стрелок на тендере кто? — спросил красноармеец, приподнимаясь на локте.

Кузьмич не ответил на этот вопрос. Он встал, поднял фонарь и, счистив корявыми пальцами нагар на свечке, направился к выходу.

— Кому надо, тот и стрелял, а имени его, милок, не знаю, — коротко бросил старик.

Поезд подходил к Новочеркасску

— Он! — тихо ответила истопница и кивнула головой в сторону ушедшего Кузьмича. — Партизан. Двое суток в паровозном тендере просидел, немцев истреблял.

П. НИКИТИН,
спец. корреспондент „Известий"

Южный фронт, 30 декабря.

В АЗОВСКИХ ПЛАВНЯХ

Густые камышевые заросли, островки, болота, озера — это и есть знаменитые Азовские плавни. Они занимают сотни квадратных километров и являются излюбленным местом приазовских охотников. Только рыбаки, знающие все тайны плавней, могут свободно пробираться по тропинкам и островкам.

Когда немецко-фашистские банды генерала Клейста захватили приазовские города, камыши словно ощетинились. Сюда пришли хозяева плавней — партизаны Приазовья. По всей Ростовской области гремит слава об их боевых делах.

К командиру отряда тов. Р. как-то явился старый железнодорожник с важным донесением.

— Через станцию Синявка, — сказал он, — все время движутся эшелоны с немцами и снаряжением. Хорошо бы ковырнуть их. Железнодорожники помогут.

Ночной гость тут же сообщил, что через

несколько часов по мосту должен проследовать немецкий эшелон со снарядами. Командир отряда выделил группу партизан для взрыва моста. Ночью, бесшумно сняв часовых, партизаны заложили аммонал. Громыхая на стыках, поезд медленно входил на мост. Как только паровоз достиг его центральной части, раздался сильный взрыв.

Одному отряду Красной Армии был дан приказ ворваться в Синявку, уничтожить технику и живую силу врага. Дорога лежала через плавни. Партизаны незаметно провели отряд сквозь камыши и вместе с ними приняли участие в налете на станцию. Немцы едва успели унести ноги. Они оставили трофеи и десятки трупов своих солдат и офицеров. Эпской кавалерийской части было приказано занять важный населенный пункт. Партизаны указали им наиболее короткий путь через плавни. Впереди шли партизаны, а за ними — кавалеристы. Оказалось, что все поле на пути к селу заминировано. Партизаны вместе с кавалеристами разминировали поле и после короткого боя захватили намеченный пункт.

Население временно занятых немцами деревень не раз обращалось за помощью к партизанам, среди которых было немало их односельчан. Как-то ночью к командиру отряда тов. И. пришел старик и сообщил, что немцы

забрали у колхозников села Недвиговка около 100 коров и овец. Колхозники просили у партизан защиты.

— Ну, хлопцы, — обратился командир к бойцам, — кто подскажет, как перетащить скот на нашу территорию?

Были разные советы, но ни один не понравился командиру.

— Дай мне слово, — попросил молодой партизан тов. Р.

Когда он кончил говорить, землянка огласилась звонким смехом. Едва только рассвело, партизаны начали действовать. Партизан Р. и его товарищи натянули на себя шкуры овец и на четвереньках пробрались в село. Уничтожив часовых, партизаны перегнали весь скот на нашу сторону.

С глубоким уважением вспоминают бойцы о партизане Николаенко. Бывший рыбак пришел в отряд в начале ноября. Спустя две недели он попросился в разведку. Возвращаясь из занятого немцами села, он подвергся нападению трех немецких солдат и офицера. Меткими выстрелами Николаенко убил двух солдат и ранил офицера. Гитлеровец бросил гранату и смертельно ранил Николаенко.

В дни наступления частей Красной Армии на Ростов партизаны Азовских плавней сыграли исключительную роль. Они проводили через

камыши наши части, шедшие на штурм города. Среди героев-освободителей Ростова есть немало и партизан.

Шумят камыши Азовских плавней, не умолкает слава о партизанах, продолжающих борьбу с немецкими оккупантами.

Б. ЗОЛОТОВ.

Южный фронт, 8 декабря.

ЛИШНЯЯ РАКЕТА

Дружба между пехотинцами и артиллеристами установилась давно. Когда рота шла в наступление, всегда ее сопровождал артиллерийский полпред — лейтенант Окуневский, помощник начальника штаба артполка.

И в этот раз пехотинцы с удовлетворением отметили присутствие Окуневского. Им был приятен этот стройный, красивый командир. В нем они чувствовали поддержку, с ним было как-то увереннее и спокойнее.

Дело намечалось у реки. Там были немецкие пушки, минометы и пехота. Наблюдателям никак не удавалось засечь вражеские огневые точки. Видно, немцы все время перевозили свои пушки и минометы с места на место. А стрелки никак не могли войти в соприкосновение с немцами, — те ставили перед ними непроходимую стену огня. Окуневскому выпала трудная задача — не только двигаться со стрелками, но и опередить их, выйти вперед, найти неуловимые пушки и минометы и дать сигнал своему командиру Тарасову. Условились так: огонь

открывать по двум зеленым ракетам; бить от ракет вправо, метров на 200.

Окуневский пробирался неторопливо. Утро только начиналось. Лучше не спешить и закончить дело как следует. Он шел и останавливался, иногда полз, иногда подолгу лежал, слушая и анализируя всякий шумок — треск, случайный выстрел. Он уже разглядел немецких солдат, нашел минометную батарею. Пушки пришлось искать долго, они были искусно замаскированы. Но он нашел и пушки. Они спрятались на правом фланге немцев. Почти на границе участка, по которому предстояло бить нашим стрелкам. Окуневского охватил азарт разведчика и профессионала-артиллериста. Он слился с землей и уже от нее не отрывался. Он знал, что пехотинцам будет горячо, — немцы отлично выбрали позиции и могли вести успешный огонь. Обязательно надо было уничтожить вражеские пушки.

Окуневский подобрался почти вплотную к немецкой батарее. Он долго рассматривал местность, соображал. Потом пополз влево. По условию — двести метров. Он отполз на двести метров, приподнялся и еще раз проверил расстояние. Правильно. Тогда он вынул ракетный пистолет, зарядил его, приготовил вторую ракету и выстрелил. В бледном утреннем небе зелень ракетной дуги казалась почти белой. Но Окуневскому некогда было думать о цве

товых оттенках. Он зарядил ракетницу еще раз, подождал 30 секунд — условный интервал полминуты — и снова выстрелил. Удивительная тишина. Сразу же после второго выстрела он съежился в канавке, ждал, что сейчас по нему начнут палить немцы. Но никто не стрелял. Он приподнял голову, его смутила тишина. После второй ракеты прошло двадцать секунд. Сейчас начнут бить пушки Тарасова. Прошло 30 секунд, и вдруг неожиданно хлопнул выстрел ракетницы. Откуда? Окуневский посмотрел вправо и увидел, как в воздух взлетел еще один звездный огонек. Это было удивительно и обидно. Случайная немецкая ракета испортила все дело, сбила сигнал. Тарасов подумает, что Окуневский вовсе еще не сигналил, что три зеленых ракеты — сигнал немцев. Так оно и оказалось. Тарасов молчал. Надо начинать сначала.

Он повторил сигнал. Одна ракета, через тридцать секунд вторая. Невероятный случай! Еще через тридцать секунд в воздухе засверкала третья и тоже зеленая. Тут Окуневский понял, в чем дело. Немец его перехитрил. Он смешивал карты советского лейтенанта, путал его сигнализацию, сбивал с толку артиллеристов. Тарасовские пушки молчали, они ждали условного сигнала — двух ракет. Ждала и пехота. А в это время Окуневский заметил у батареи суету. Ну, ясно, сейчас снимутся, пе-

ременят место, и тогда все пропало. К тому же он увидел, как подозрительно зашевелилось что-то между ним и батареей. Значит, ползут, надо уходить.

Окуневский уже выполз из канавки, чтобы двинуться назад. Он уже бормотал крепкие ругательные слова и по адресу хитрого немца, и по своему адресу. Ему даже пришли на ум слова, которые красовались в мирное время на плакате, — «Равняйтесь по батарее Окуневского», он был тогда образцовым командиром батареи. И в этот момент пришло вдохновенье. Родилась идея. Окуневский даже засмеялся. Он еще раз выстрелил зеленой ракетой. Один раз. Только одна ракета. Всего одна. Глаза не отрывались от секундной стрелки. Ровно через полминуты хитрый немец дал свою ракету. Но немца хватило только на одну. Не нашлось у него хитрости на две ракеты.

И тут ударил Тарасов. Первый же снаряд угодил точно во второе орудие. Взлетела в воздух земля, какая-то доска, чья-то нога. Окуневский улыбнулся и пополз назад.

Э. ВИЛЕНСКИЙ,
спец. корреспондент „Известий"

Южный фронт, 24 декабря.

ТРУДЯЩИМСЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ГОРОДА НАЛЬЧИКА

Дорогие товарищи! Бойцы, командиры и политработники Южного фронта сердечно благодарят вас за ваши подарки, за теплые новогодние пожелания и шлют вам свой боевой новогодний привет.

Сердечное красноармейское спасибо вам за ваше внимание, за вашу неустанную заботу о нас! В жестокой борьбе с немецкими оккупантами мы непрестанно чувствуем могучую поддержку своего советского народа.

Каждый день сюда к нам, на передовые линии фронта, доходит теплая материнская ласка нашей любимой родины, наших родных советских людей. Народ и армия в нашей стране представляют единую семью и непоколебимую силу. Ошиблись немецкие оккупанты, когда они рассчитывали на то, что им удастся разъединить наш фронт и тыл.

Красная Армия со всем советским народом, под руководством партии большевиков и вож-

дя народов товарища Сталина, разгромит и уничтожит до конца гитлеровскую грабьармию.

Дорогие наши товарищи, братья, сестры, отцы, матери и жены! В ответ на вашу горячую заботу даем вам наше крепкое фронтовое слово, что мы еще беспощаднее будем истреблять немецких оккупантов. Мы не пощадим своих сил и своей жизни для достижения полной победы над врагом.

Мы разгромим врагов. Мы уничтожим всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов.

Твердо и уверенно мы заявляем: враг будет разбит, победа будет за нами!

Мы призываем вас к тому, чтобы вы своей работой еще больше и еще лучше помогали фронту. Пусть каждый из вас на своем месте работает честно, не жалея своих сил. Пусть каждый из вас на своей работе будет самоотверженным и преданным бойцом великой отечественной войны.

Больше вооружения, больше угля, металла, хлеба!

Работайте так, чтобы великий Сталин сказал — «хорошо!».

Да живет, здравствует и процветает наш могучий советский народ, народ-герой, народ-богатырь!

Да здравствует великая партия большевиков — организатор победы над лютым врагом!

Да здравствует Главнокомандующий вооруженными силами страны Советов — наш родной и любимый Сталин!

Бойцы, командиры, комиссары и политработники Южного фронта.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Телеграмма товарища Сталина 3
Еще удар по войскам врага—*Сообщение Советского Информбюро* 4
Разгром группы Клейста — *Генерал-полковник Я. Черевиченко* 5
Как хозяйничали немцы в Ростове — *А. Мацкин, В. Соболев* 15
На улицах Ростова — *П. Никитин* 21
Люди пришли из Таганрога — *Э. Виленский* . . . 25
По ту сторону фронта — *А. Кривицкий* 28
Во имя жизни — *А. Кривицкий* 34
Кубанцы — *П. Никитин* 41
Разговор в поезде — *П. Никитин* 46
В Азовских плавнях — *Б. Золотов* 53
Лишняя ракета — *Э. Виленский* 57
Трудящимся Кабардино-Балкарской республики и города Нальчика 61

Государственная публичная историческая библиотека

Отв. по выпуску *А. Зайцева.*

Тираж 5000. Подписано к печати 3/III 1942 года. Ч50.
Объем 2 печ. л. Заказ № 333.

Типо-литография им. Революции 1905 года.
Нальчик, Баксанская, 6.

Цена 35 коп.

3994